

УДК 81'44, 81-115

UDC 81'44, 81-115

Дубровская Полина Дмитриевна
Независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Polina D. Dubrovskaya
Independent researcher
Saint Petersburg, Russian Federation
dubrovskaya.pl@mail.ru

Манёрова Кристина Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Kristina V. Manerova
Saint Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
k.manerova@spbu.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ
ЮМОРА В ЖАНРЕ «СТЕНДАП»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)
LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF HUMOR
CREATING IN STAND UP (ON EXAMPLE OF RUSSIAN AND GERMAN)**

Аннотация

Относительно новый юмористический жанр «стендап» (от англ. stand up comedy) только начинает привлекать внимание исследователей разных направлений лингвистики. Сравнительный лингвокультурологический анализ избранных скетчей русского и немецкого представителей жанра «стендап» имеет своей целью установление универсальных и несхожих типологических черт жанра в двух лингвокультурах, выявление рецепции национальной культуры смеха в жанре, проявляющейся в тематике скетчей, а также сравнение использования механизмов создания и восприятия вербального юмора (мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости, мотив враждебности и мотив высвобождения) на материале 20 избранных скетчей П. Воли и М. Миттермайера. Темы, подвергающиеся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков двух стран, выявляют как совпадения (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых), так и различия (социальная напряженность, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие).

Abstract

The relatively new comedy genre stand-up comedy is just beginning to attract the attention of researchers from different areas of linguistics. A comparative linguistic and cultural analysis of selected sketches of the Russian and German stand-up comedians is aimed to establish universal and dissimilar typological features of the genre in two linguistic cultures, identify the reception of national culture of laughter in the genre, manifested in the subject of sketches, as well as compare the use of mechanisms for creating and perceiving verbal humor (incongruity theories, hostility theories and release theories) on the material of 20 selected sketches by P. Volya and M. Mittermeier. It was discovered that certain topics that both comics involved to laugh at were similar (new trends in technical sphere, automobiles, holidays and rest) while others varied (social tension, feminism, male and female relations, financial instability).

Ключевые слова: лингвокультура, жанр «стендап», типология жанра, теория юмора, механизм создания юмора, сравнительный анализ, немецкий язык, русский язык.

Keywords: linguistic culture, stand-up, typology of genre, humor theory, theories of humor creating, comparative analysis, German, Russian.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_62_74

1. Введение

Невыраженный интерес лингвистов к жанру «стендап» можно объяснить его новизной и вызванной этим сравнительно узкой известностью, а также определёнными ограничениями, связанными с возможным употреблением оскорбительной, пейоративной и табуизированной лексики в скетчах, с неизбежностью её учёта при анализе жанра. Как отмечает В. Д. Казакова, «исследуются разные аспекты комического: философско-эстетический, биопсихологический, литературоведческий, социокультурный, лингвистический» [Казакова, 2013, с. 77]. Однако в объёмной современной монографии немецких исследователей лингвистических аспектов гелотологии, посвящённой возникновению мировых юмористических жанров, жанр «стендап» не упомянут [Wirth, 2017]. За последние пять лет появились немногочисленные работы, в которых названный жанр становится объектом для лингвопрагматического [Манжелевская, 2017] и лингвокогнитивного [Казакова, 2013] анализа, изучения транслатологических особенностей передачи юмора на другой язык [Джабраилова, Зарипова, 2018], рассмотрения передачи этностереотипов в отдельно взятом языковом варианте жанра [Мельничук, Андросова, 2016].

В то же время названный жанр можно считать ярким примером отражения национальной лингвокультуры страны, поскольку данный жанр, несмотря на свою универсальность: 1) выявляет несхожую тематику явлений, подвергающихся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков разных стран; 2) проявляет черты рецепции национальной культуры смеха; 3) в зависимости от лингвокультуры, с разной степенью интенсивности использует механизмы создания и восприятия вербального юмора (мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости, мотив враждебности и мотив высвобождения, согласно семантической теории юмора В. Раскина). Как отмечает В. В. Наумов, «в каждой лингвокультуре существуют свои нормы восприятия чувства юмора. Не менее значимы индивидуальные формы реакции» [Наумов, 2017, с.102]. Действительно, для восприятия юмора важны как индивидуальные реакции партнёра, так и то, что с разной степенью интенсивности может вызывать смех у представителей несхожих лингвокультур: «то, что вызывает смех у одного, может не вызвать даже улыбки у другого индивидуума» [Наумов, 2017, с.102]. Русский и немецкий варианты жанра «стендап» ещё не становились объектом сравнительного лингвокультурного исследования. Для представителей русской лингвокультуры характерна повышенная эмоциональность, следовательно, эмотивная составляющая в языке и юморе обусловила формирование разветвлённой системы параязыковых средств и юмористической тематики. Для немецкой лингвокультуры повышенная эмоциональность не является характерной чертой, что оправдывает применение сравнительных методов анализа к рассматриваемому материалу нового жанра и обуславливает новизну исследования.

Материалом для сравнительного анализа послужили десять тематически разных скетчей русского комика Павла Воли и такое же количество скетчей немецкого комика Михаэля Миттермайера (нем. Michael Mittermeier), выступающих в стиле «solo стендап». Составлен корпус объёмом 15489 токенов на русском языке, 11322 токена на немецком языке в письменной фиксации. В качестве токена взята единица измерения корпуса согласно определению В. А. Яцко: «Токен можно определить как последовательность буквенных и / или цифровых символов, отделённую слева и спра-

ва знаками форматирования текста и / или препинания» [Яцко, 2014, с.3]. Видеоролики выступлений выложены на видеохостинге youtube в свободном доступе (www.youtube.com), время звучания немецкого корпуса 1 час 5 минут 18 секунд, русского 1 час 24 минуты 22 секунды, общее время звучания 2 часа 29 минут 40 секунд. Выбор двух персоналий обусловлен тем, что оба артиста широко известны и стоят у истоков жанра в обеих странах¹.

Ц е л ь статьи заключается в установлении универсальных и несхожих типологических черт жанра в двух лингвокультурах, в выявлении рецепции национальной культуры смеха в жанре, а также в сравнении использования механизмов создания и восприятия вербального юмора в русской и немецкой лингвокультурах. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) изучить универсальные и различающиеся типологические черты жанра «стендап» в русском и немецком языках; 2) определить доминирующие механизмы создания юмора у представителей жанра в обеих лингвокультурах; 3) провести сравнительный лингвокультурологический анализ тематики скетчей на основе составленного корпуса. Отметим, что анализ индивидуальных нюансов речевого поведения артистов не является задачей исследования.

2. Сравнительный лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в жанре на русском и немецком языках

2.1. Типологические черты немецкого и русского жанров «стендап»

Жанр «стендап» восходит к индивидуальным выступлениям конферансье в мюзик-холлах Великобритании, США, Франции. Объявления артистов конферансье превращали в небольшие юмористические эстрадные номера (скетчи). В России названный жанр заимствован, прежде всего, из западной культуры, однако, проявляет исторические черты рецепции обрядово-зрелищных форм русской смеховой культуры, ср. балагурство, рассматриваемое в работе Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко «Смех в Древней Руси»: «Балагур как бы принимает на себя обязанности балагура, он берётся не прерывать обязанности своего балагурства в течение вечера, всей свадьбы, всей встречи. Он должен выдержать свою роль балагура как можно дольше и «непрерывнее». В конце концов за ним устанавливается репутация балагура, и от него постоянно ждут шуток; ему стремятся подбросить горячий «материал» для его шуток. Реплики слушающих имеют большое значение в «смеховой» работе балагура. Балагур становится как бы актёром в театре, где играют и сами зрители, подыгрывают во всяком случае» [Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984, с.35].

В Германии жанр «стендап» имеет исторические прототипы в виде варьете, политического кабаре и зингшпильей, т. е. малых жанров, как их определяют исследователи Будзински и Хиппен: „[s]eit etwa 1900 [eine] Sammelbezeichnung für alle in Kabarett, Varietés und Singspielhallen gebotenen Formen künstlerischer Betätigung ohne qualitative Wertung [...]“ [Budzinski, Hippen, 1996, с.192]. Эти формы малых жанров включают мимические, языковые и музыкальные элементы. В жанре «стендап» выступление юмориста также включает в себя указанные элементы, не совмещаемые со сценическим гримом, костюмом, специальным освещением. Возможно использование изображений для иллюстрации скетчей.

Действительность переосмысливается в названном жанре, в первую очередь, в направлении социо- и лингвокультурных установок стендап-комика и его зрительской

---

¹ П. Воля начал карьеру в 2005 г., М. Миттермайер в 1996 г. Оба представителя жанра получили высшее образование в области гуманитарных наук, М. Миттермайер написал магистерскую диссертацию об американском жанре «стендап», что, по всей видимости, и повлияло на его выбор профессии.

аудитории: мыслительные и поведенческие стереотипы, социальный и ситуативный контекст, гендерный аспект, (не)типичное и примордиальное, новые явления и веяния и многое другое становятся темами для создания юмора на основе культурно-языковой компетенции.

Артист жанра «стендап», выступающий соло, объединяет в себе три роли: роль комика, роль личности, повествующей на основании собственного опыта и событий, произошедших либо с ним лично, либо с представителями его окружения или социума, и роль рассказчика, повествующего преимущественно от 1-го лица. Представление актёра публике входит в формат жанра, т. к. роль комика и роль личности в жанре тождественны. Тема скетчей основывается на общеизвестном факте (греч. δόξα), который юмористически обыгрывается, когнитивно понятен и культурно известен реципиенту благодаря культурно-языковой компетенции, фоновым и ситуативным знаниям [Ritter, 1971–2007].

Мы определяем «стендап» как малый жанр массовой коммуникации, соответствующий всем критериям для коммуникативных жанров, сформулированных Герхардом Малетцке [Maletzke, 1972, с.1520], а именно: 1) жанр «стендап» подразумевает публичное, подготовленное выступление с элементами импровизации; 2) представители жанра используют массмедиа для трансляции своих выступлений, рассчитанных на массовую аудиторию (запись выступления на сцене, в кафе, на телевидении, в видеороликах, размещённых в сети интернет); 3) выступления представителей жанра доступны к воспроизведению и распространению на электронных источниках в любое время и в любой точке мира; 4) коммуникация характеризуется однонаправленностью (артист→зритель), однако в интерактивном режиме выступления возможно и диалогическое взаимодействие со зрителями, часто используемое как приём самими артистами этого жанра; 5) реципиенты представляют собой массовую аудиторию, гетерогенную в социальном, возрастном, гендерном аспектах.

В новом жанре отмечены все элементы массовой коммуникации: коммуникатор (комик жанра «стендап»), коммуникат (выступление), канал передачи информации; коммуникант (реципент) и воздействие на коммуниканта (в случае с жанром «стендап» – создание юмористического эффекта), согласно схеме анализа «акта коммуникации» Гарольда Лассуэлла «кто – говорит что – по какому каналу – кому – с каким эффектом?» [Lasswell, 1964, с.46].

Названные пять критериев следует считать универсальными типологическими чертами для исследуемого материала, поскольку в сравнении они не выявляют лингвокультурных различий.

2.2. Сравнительный лингвокультурологический анализ механизмов создания юмора в скетчах П. Воли и М. Миттермайера

Для лингвокультурологического анализа представляется необходимым внести дополнение к типологическим чертам жанра «стендап». Важным результатом массовой коммуникации в жанре «стендап» можно назвать культурно обусловленное взаимопонимание, содержание и смыслообразование в (интерактивном) общении с целью развлечения. В связи с этим, позволим себе добавить шестую типологическую черту жанра: информация говорящего воспринимается реципиентом согласно его когнитивным и социокультурным установкам, в которых необходимым элементом представляется восприятие юмора, а также понимание возможной языковой игры на основе культурно-языковой компетенции. Культурно-языковая компетенция – «способность человека к соотношению знаков естественного языка со знаками культуры в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе владения культурной инфор-

мацией (культурным знанием)» [Ковшова, Гудков, 2017, с. 81]. Названная компетенция помогает коммуникантам соотносить языковые знаки с культурным знанием, интерпретировать их как вербальные фрагменты текста отдельной культуры. На необходимое владение культурно-языковой компетенцией для осуществления успешной коммуникации в своих работах указывала В. Н. Телия: «Культурно-языковая компетенция мыслится нами как владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации» [Телия, 2004, с. 27].

Вслед за В. В. Наумовым отметим, что юмор национально обусловлен, т. к. национальная лингвоментальность юмора – одна из предпосылок вербального выражения остроумия [Наумов, 2018, с. 39]. Считаем, что культурно-языковая компетенция в применении к жанру «стендап» заключается в использовании механизмов создания и восприятия вербального юмора, а также в тематике, подвергающейся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков разных стран в зависимости от лингвокультуры. Как уже было упомянуто выше, представитель одной лингвокультуры может не считать смешным то, что считается юмором у представителей другой лингвокультуры.

Согласно семантической теории юмора В. Раскина, юмор в жанре «стендап» основывается на логике совмещения двух скриптов (фреймов) – схем и описаний изображаемых типичных свойств объекта и событий в устном тексте выступления – в определённую реализацию событий и эпизодов, т. е. контекстов. Основными частями устного выступления для скриптов, отвечающими за создание юмора, можно назвать, начало и концовку микротем в скетчах, часто логически противоречащие друг другу. Необходимым условием того, чтобы текст был смешным, можно назвать нарушение логики изложения в качестве противоречия или столкновения контекстов. Это противоречие, также известное как когнитивный диссонанс, должно быть интерпретировано реципиентом как юмористическое [Krichtafovitch, 2005, p. 24–25].

Согласно теории В. Раскина, совмещение скриптов возможно на основе трёх механизмов – 1) мотива высвобождения, 2) мотива несовместимости и 3) мотива враждебности [Raskin, 1985, S. 30]. Рассмотрим эти мотивы подробнее на примерах лингвокультурологического анализа механизмов создания юмора в скетчах жанра «стендап».

Сравнительный анализ русского и немецкого корпусов выявил следующие результаты: 65% скетчей в русском корпусе основаны на механизме высвобождения, 29% построены с использованием мотива несовместимости и только 6% от всего русскоязычного корпуса демонстрируют стратегию враждебности при создании комического эффекта. В немецком корпусе наблюдаем схожую ситуацию. 61% скетчей созданы на основе мотива высвобождения, в 26% использован механизм несовместимости контекстов и 13%, что в два раза больше, чем в русском корпусе, относятся к скетчам, где юмористическая составляющая возникает в результате применения мотива враждебности.

В обоих корпусах преимущественным механизмом создания юмора определяется мотив высвобождения. Названный мотив основан на реализации выхода из неприятной, нелепой или напряженной ситуации, эмоциональной разрядки в виде смеха как аффективной психической реакции на юмор.

Анализ видеороликов показывает, что кульминационный момент в скетче, согласно которому возникает комический эффект в механизме высвобождения и следует реакция в виде смеха зрителей, преимущественно образует концовку микротемы в скетче². Рассмотрим русский (1) и немецкий (2) примеры.

---

² Количество анализируемых примеров в статье ограничено из-за большого объёма текстов скетчей.

(1) *У нас у всех есть имена / у Вас / у Вас / вот Вы сидите / у меня тоже // Но мы коверкаем наши имена всю жизнь // Вот я сейчас вышел на сцену // Он сказал // Пашиа / Воля // Меня Павел зовут // Павлашка / Павлуша / Павлик / Паиенция / Паитет / Паишган / Пашок / Павло / Павлин // В зале есть Алексеи? // Поднимите руки / Алексеи // Алексей / Вы / Лёха // Вы / Лёха / Всю жизнь / Лёха / наверняка / да? // Алексей очень красивое имя / очень / а Лёха / это вообще / кто такой // **К Алексею хочется подойти / и спросить // Алексей / как пройти в библиотеку? // у Лёхи можно тока сиги спросить / и пивас // Лёха / есть у тебя? // Спасибо / Лёха** [П. Воля. Имена].*

(2) *Ich sitz im Sommer im Biergarten // Ich habe ein gelbes T-Shirt an / Wichtige Information für den Verlauf der Geschichte merken // ich / gelbes T-Shirt // Kommt ein dickes Kind auf mich zu [schwerer Atemzug] // So pass auf / dieses dicke Kind stand vor mir so / [den Atem verlierend] // Schaut auf sein Handy / [noch ein paar schwere Atemzüge] / Schaut auf mich [noch ein paar schwere Atemzüge] // **Bist du ein Pokémon?** – Я сижу летом в биргартене // На мне надета жёлтая футболка / Запомните важная информация для хода истории // я / жёлтая футболка // Подходит ко мне толстый ребёнок [тяжело дыша] // И так слушайте / этот толстый ребёнок стоит передо мной вот так / [задыхаясь] // Смотрит в свой телефон / [ещё несколько тяжёлых вздохов] / Смотрит на меня [ещё несколько тяжёлых вздохов] // **Ты покемон?** [М. Миттермайер. Das dicke Kind und mehr]³.*

В примере (1) механизм высвобождения из неприятной ситуации при объявлении выступления комика с названием его краткого имени (*Он (ведущий, объявляющий выход комика на сцену – прим. наше) сказал: Пашиа Воля. Меня Павел зовут*) основывается на микротеме противопоставления серьёзного и сниженного, а именно полного имени, вызывающего уважение к человеку (*Павел; Алексей – очень красивое имя*) и краткого имени (*Пашиа, Павлик*), панибратского ника (*Лёха; Паиенция, Паишган, Пашок, Павло*), клички (*Павлин, Паитет*). Градация производит противоположный эффект: к человеку, «коверкающему» своё имя и позволяющему себя так называть (*Лёха, это вообще кто такой*), нельзя обратиться с чем-либо серьёзным. Жаргонизмы (*сиги, пивас*) подчёркивают сниженный стиль в концовке микротемы, что в сочетании с благодарностью (*спасибо, Лёха*) вызывает комический эффект при выходе из неприятной ситуации.

В примере (2) механизм высвобождения также основан на противопоставлении двух ситуаций в микротеме: комик, отдыхающий в пивном ресторане и запыхавшийся толстый ребёнок, играющий на смартфоне в игру «Pokémon Go» («Ловля покемонов»). Выход из нелепой ситуации в концовке микротемы заключён в виде вопроса *Bist du ein Pokémon?*, подчёркивающего комичность встречи, тем не менее, понятной в условиях актуализации культурно-языковой компетенции: жёлтая футболка комика (*ich, gelbes T-Shirt*) вводит в заблуждение ребёнка, «охотящегося» на популярного жёлтого покемона.

На втором месте в обоих корпусах преимущественным механизмом определяется мотив разрешения противоречия или мотив несовместимости. При реализации названного механизма у зрителя возникает эффект обманутого ожидания на фоне предвосхищения другого исхода ситуации или проявления иного поведенческого стереотипа: эффект неожиданности, имеющий когнитивную природу (нем. Aha-Erlebnis), отмечают немецкие исследователи юмора в коммуникации Мартин Айзенд и Альфред Кусс [Eisend, Kuss, 2009, S. 632]. На несовместимости основано и соединение скриптов в скетчах, что требует от зрителя вовлечённости и когнитивных усилий для объединения разрозненных сюжетов в один, комический. Рассмотрим примеры (3) и (4).

(3) *Короче / ребята / погода это всё / поэтому когда Пётр первый пришёл на место Санкт-Петербурга и сказал // Да будет здесь град / и люди начали строить город*

³ Здесь и далее перевод примеров с немецкого на русский наш – П.Д., К.М.

быстрей / они его не поняли / он не договорил / он хотел сказать // Да будет здесь град / снег / дождь / давайте в другое место куда-то / ребята / уходим / уходим // А они там город выстроили / клянусь // У Петра Первого поэтому на все памятниках / глаза выпученные / он думает // Да ну на / вы чё / здесь построили / чё с ума вы сошли [П. Воля. О зиме в России].

(4) *Ich habe mich oft gefragt / warum ist eigentlich auf der Stirn von Donald Trump kein Warnhinweis / es ist mir aufgefallen / in Amerika ist auf allen Produkten zu sehen Warnhinweise überall / da müsste doch ein Poster darauf hängen / Vorsicht Orangeade könnte die Spuren von Vollnuss enthalten irgend so was // auf allen / überall / überall / Pass auf es ist so absurd // Selbst im echten Leben im Yellow Stone Nationalpark am Eingang steht ein großes Schild da steht drauf / Vorsicht / bitte keine Selfies machen mit den wilden Tieren / Das heißt // es muss mindestens / einen gegeben haben // der rückwärts mit erhobenen Display auf einen Grizzly Bären zugegangen ist. – Я часто себя спрашиваю / почему собственно на лбу Дональда Трампа нет предупреждающего знака / мне бросилось в глаза / в Америке на всех товарах видишь предупреждающие знаки везде на нём должен был висеть постер / Осторожно оранжад может содержать следы цельного ореха что-то такое // на всём // везде / везде / Послушай это так глупо // Даже в реальной жизни в Йеллоустоунском национальном парке на входе стоит большая табличка там написано / Осторожно / пожалуйста не делайте селфи с дикими животными / Это означает // должен был быть / хотя бы один // кто подошёл спиной к гризли с поднятым экраном [М. Миттермайер. Das dicke Kind und mehr].*

В примере (3) эффект неожиданности в микротеме скетча основан на языковом явлении, а именно на омонимии лексемы «град»: 1. атмосферный осадок, 2. город (поэт., устар.), а также на прагматической многозначности высказывания *Да будет здесь<...>* (*Да будет здесь град* (город) – декларативный речевой акт и *Да будет здесь град, снег и дождь* – репрезентативный речевой акт). Омонимия и прагматическая многозначность вызывают комический эффект на основе механизма несовместимости двух ситуаций: мнимого противоречия в оценке Петром Первым плохого климата, ставшего уже особой темой «петербургских» шуток (*Да будет здесь град, снег и дождь, давайте в другое место куда-то, ребята*), и неверного понимания его высказывания как декларации основания города (*и люди начали строить город быстрей: они его не поняли*). Восприятие юмора слушателем непосредственно связано с его культурно-языковой компетенцией на фоне предвосхищения другого исхода ситуации.

В примере (4) механизм противоречия основывается на упоминании опасности, вызываемой непредсказуемостью решений американского президента Д. Трампа, что стало уже отдельным комическим приёмом, с одной стороны (*auf der Stirn von Donald Trump kein Warnhinweis*), и повсеместного наличия предупреждающих знаков как части американского социального разъясняющего дискурса, с другой (*bitte keine Selfies machen mit den wilden Tieren*). В целом, это представляется комикам публике как абсурдная черта американцев. Комический эффект возникает при реализации механизма в концовке микротемы как результат когнитивных усилий для объединения разрозненных сюжетов в один (*Das heißt // es muss mindestens / einen gegeben haben // der rückwärts mit erhobenen Display auf einen Grizzly Bären zugegangen ist*).

Механизм враждебности основан на злорадстве, насмешке над неудачами, злоключениями, провалами другого, считают Айзенд и Куцс: „gehen davon aus, dass Überlegenheitsgefühle den Humor bedingen und dass aggressive Gefühle oder Triebe z.B. durch die Belustigung über Missgeschicke anderer Personen abreagiert werden können“ [Eisend, Куцс, 2009, S. 632]. Добавим в эту типологию осмеяние внешности, национальности, когнитивных способностей, привычек или черт характера другого. Реа-

лизация данного механизма вовлекает в скетч рассказчика (кто насмеяется), «жертву» (над кем смеются) и слушателя (кто смеётся). Названный механизм представлен в обоих корпусах неравномерно (см. выше). Так, М. Миттермайер часто высмеивает англичан, американцев, австрийцев, японцев, т. е. высмеивает жертву по признаку «национальность» в рамках использования дискурсивной практики отграничения «свой – чужой», примеры (5) и (6):

(5) *Alle englischen Männer sind hässlich // Hey what are you starring at? // You are so ugly // Who are you? // I'm German // You German all Nazis // Yes / but I'm not ugly* – Все англичане уродливы [М. Миттермайер. Lucky Punch].

(6) *Ich habe herausgefunden // Engländer / sind nur höflich in England // Schick Engländer ins sonnige Länder und gib ihnen Bier / dann verwandeln sie sich in orcs auf Red Bull // kherrree / khhhhhh // wenn der British Airways Flug von Birmingham auf Ibiza landet / tut es diese Szene wie aus Zombiefilm // urheehhehe / äheeee / heheee / und es war nur der Flug rum – Я выяснил // англичане вежливы только в Англии // пошли англичан в солнечные страны и дай им пива / там они превращаются в орков на Ред Булле / [имитация рычания] // когда самолет Бритиш Эйрвэйс из Бирмингема приземляется на Ибице / то это похоже на сцену из фильма про зомби [имитация воплей] и это только полёт в одном направлении [М. Миттермайер. Blackout].*

В русском корпусе мотив враждебности используется реже, напр., П. Воля соотносит шутки на основе дискурсивной практики отграничения «свой – чужой» с политикой других стран по отношению к России (см. пример (7)).

(7) *А ещё весь мир недоволен // Чё это в России столько нефти и газа / надо чтобы поровну было у всех // Вы чё там с ума сошли в мире / а / Вы на карту посмотрите у нас вот такая вот огромная страна / Нам нужна нефть / нам нужен газ // Мы как-то должны эту все / обогреть / понимаете // Если бы в России не было нефти и газа / мы бы бегали во Францию с копьями просто / Дай шубу сюда / дай круассан / на / картовые лягушатники / мы придём через два дня / понятно [П. Воля. О зиме в России].*

Мы считаем, что такое распределение мотивов создания комического эффекта обуславливается тематическим разнообразием. Таким образом, тематика юмористических выступлений непосредственно связана с выбранным механизмом реализации, однако эту зависимость можно назвать косвенно культурно обусловленной, поскольку комик предопределяет использование того или иного мотива выбором темы своего скетча, понятной зрителям в силу их культурно-языковой компетенции (в русских скетчах – шутливое противопоставление полного и краткого имени, мнимое противоречие высказываний, упоминание холодного климата, исторических событий, в немецких скетчах – обыгрывание новых увлечений молодежи (игра Pokémon Go) и американских реалий (повсеместное наличие предупреждающих указаний), упоминание американского президента Д. Трампа, ставшее уже отдельным комическим приёмом, насмешка над представителями других культур и этносов). Кроме того, небольшая количественная разница в распределении названных механизмов по корпусам свидетельствует о том, что лингвокультурные различия определяются на более глубоком семантическом уровне.

2.3. Сравнительный лингвокультурологический анализ тематики скетчей П. Воли и М. Миттермайера

Сравнительный анализ тематики скетчей двух корпусов позволяет утверждать, что применение лингвокультурологического анализа к жанру «стендап», без сомнения, оправданный метод. Тематика юмористического осмысления в скетчах в русском и немецком корпусах обширна и разнообразна, выявляет как совпадения, так и различия.

Русский корпус содержит социальную тематику, тему отношения полов, феминизма – темы, отсутствующие в немецком корпусе, но в нём не выявлены темы религии, упоминание ведущих политиков, сравнение прошлого и настоящего, смех над американскими реалиями: темы, широко представленные в немецком корпусе. Это позволяет нам предложить следующую классификацию тем:

- 1) совпадающие темы с аналогичной презентацией в двух корпусах (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых);
- 2) совпадающие темы, несхоже представленные в двух корпусах (внутренняя и внешняя политика, языковой сексизм, противопоставление этносов);
- 3) темы, отсутствующие в русском корпусе (религия, спорт, сравнение с прошлым);
- 4) темы, отсутствующие в немецком корпусе (социальная напряжённость, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие).

В рамках статьи будут рассмотрены совпадающие темы, несхоже представленные в двух корпусах (п. 2). Данная группа тем позволяет выявить лингвокультурные различия, заключающихся в том, как информация говорящего воспринимается реципиентом, согласно его когнитивным и социокультурным установкам, на основе культурно-языковой компетенции.

В обоих лингвокультурных жанрах, как в русском, так и в немецком, частотны скетчи на тему различия в культурах, разницы культурного восприятия, ментальности этносов. В этих скетчах для достижения комического эффекта используется уже упоминаемая нами дискурсивная практика отграничения «свой – чужой», именно поэтому они были выбраны для иллюстрации лингвокультурных различий и представлены ниже в сравнении. Выбранная пара примеров иллюстрирует как неприятие своего собственного, восхваление чужого культурного контекста (П. Воля), так и обратную ситуацию (М. Миттермайер).

(8) *Мы и собак называем тоже / иностранными именами / замечали? / У нас все собаки / Джек / Джон / Тайсон // Тайсон ко мне давай / давай / Я был в Америке / ни одну собаку / не называют русским именем // Нет такого / чтобы / Андрей / give me your hand / give me your hand / Андрей // Thank you // О / Святослав / don't eat your sheet / no / no / don't eat your / Пётр / Павел / Алексей / Александр / это не наши имена / всё заимствовано / потому что / **наши имена / они / некрасивые** // Евпатий // кто это? // Прокон // Святополк / Святогор / Добромир / Богуслав / Доброжир // Есть такое имя / Я представляю / на сцене / Доброжир Воля / Святополк Харламов / и Гостомысл Батрутдинов // Ура / все радуются // **У иностранцев просто красивые / красивые классные имена** // Криштиану Роналдо / да / как звучит // Рио Фердинанд / Лионель Месси / ух / прям полёт / Лионель Месси / Лионелю Месси / между прочим / предложили вино выпускать / вино будет называться / Лео / красиво / согласитесь / да [П. Воля. Имена].*

9) *Und ich gib ein Beispiel zwischen Deutschland und Österreich // Österreich wollte einen Bundespräsidenten wählen 2016 / und zwei Wochen vor darüber alle plötzlich so äh // wir können die Wahlen nicht abhalten / warum? /die können die Briefkuverts nicht zukleben / die sind dann offen / da kann jede reinschauen was für die Chinesen und Russen // Und wo ist das Problem? // ähh ja / den Schlägkleber hält nicht was tun wenn man daran leckt funktioniert's nicht / und dann haben die Österreicher in ihrer Wirklichkeitsschicht etwas gesagt / Sie haben gesagt / wir haben / keine guten / Kleber // **Das ist gelogen / weil in meiner Wirklichkeitsschicht / ich habe auf meinem Auto / auf dem Windschutzscheibe / eine österreichische Autobahnvignette seit 10 Jahren klebt die da drauf / mit nichts kriegt man die wenig runter** – И я приведу один пример, сравнив Германию с Австрией // В 2016 Австрия собиралась выбирать президента / и за две недели до события все*

вдруг ах // мы не можем провести выборы / почему? / они не могут заклеить конверты / а если они будут открытыми / туда сможет заглянуть каждый и китайцы, и русские // И в чём проблема? // Клей не держится что делать если он не действует даже если конверт облизать / и потом австрийцы оценив проблему сказали следующее / Они сказали / у нас нет / хорошего клея // Это неправда / потому что /я оценил проблему иначе / у меня на машине / на лобовом стекле / уже 10 лет приклеена австрийская дорожная виньетка / её не оторвёшь ничем [М. Миттермайер. Angela Merkel ist die Siri Europas!].

В примере (8) из русского корпуса комический эффект основан на противопоставлении этносов через ономастические единицы, а именно через сравнение исконно русских и европейских имён собственных. Неприятие собственных культурных смыслов, специфических для национального языка наименований (онимов) юмористически обыгрывается в сочетании с фамилиями известных стендаперов (*Доброжир Воля / Святотоплк Харламов / Костамысл Батрутдинов*). Сравнение русских и европейских имён происходит на основе тривиального критерия «красивое имя – некрасивое имя» (*наши имена / они / некрасивые // Евпатий // кто это; Лионель Месси // ух прям полёт; Лео / красиво / согласитесь / да*), что усиливает комический эффект. Тем не менее, микротема скетча об именах позволяет выделить следующие культурно-языковые смыслы тематики: идентичность мировидения, понятная зрительской аудитории (осмеяние своего через обыгрывание архаичных русских имён), окультуренные представления о мире (неприятие своего культурного контекста в ироническом смысле и восхваление чужого через упоминание «красивых» иностранных имён); социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации (иностранные имена в качестве кличек животных в русской культуре и отсутствие этой тенденции в другой культуре).

В примере (9) дискурсивная практика отграничения «свой – чужой» имеет противоположную направленность. Микротема начинается со сравнения Германии и Австрии, но только австрийская часть получает дальнейшее развитие. Оценка неуспеха в целом абсурдной ситуации предвыборной кампании в Австрии (незаклеивающиеся конверты с именами кандидатов на пост президента по мнимой причине отсутствия качественного клея и, как итог, несостоявшиеся выборы) содержит констатацию лжи (*das ist gelogen*) с указанием на мнение самих австрийцев (*in ihrer Wirklichkeitsschicht*). Комик противопоставляет своё собственное мнение как немца (*in meiner Wirklichkeitsschicht*), упоминая дорожную виньетку, приклеенную намертво тем же австрийским клеем на лобовое стекло его машины. В немецком корпусе находим культурно-языковые смыслы тематики, но с контрадикторным значением: идентичность мировидения, понятная зрительской аудитории (осмеяние чужого через обыгрывание абсурдной ситуации несостоявшейся предвыборной кампании в Австрии), окультуренные представления о мире (неприятие чужого культурного контекста в ироническом смысле через констатацию лжи); социокультурные сведения, характерные лишь для определённой нации (с 1997 г. дорожные виньетки в Австрии используют при проезде по платным трассам). Таким образом, совпадающая тема отграничения «свой – чужой» несхоже представлена в двух корпусах: как неприятие своего собственного, восхваление чужого культурного контекста в русском корпусе и как противоположная тенденция в немецком корпусе.

3. Заключение

Таким образом, на основе сравнительного анализа скетчей русского и немецкого корпусов можно сделать предварительные обобщения согласно поставленным задачам. Применение лингвокультурологического анализа к механизмам создания юмора в жанре «стендап» научно оправдало себя. Жанр «стендап» проявляет черты рецепции нацио-

нальной культуры смеха, обладает универсальными и лингвокультурологически обусловленными чертами малого жанра массовой коммуникации. При выявлении последних установлено, что информация говорящего воспринимается реципиентом согласно его когнитивным и социокультурным установкам, в которых необходимым элементом представляется восприятие юмора. К типологически универсальным чертам жанра добавлен новый, отличительный критерий «культурно-языковая компетенция» как основа для понимания возможной языковой игры носителями той или иной культуры, поскольку юмор национально обусловлен. В результате сравнительного лингвокультурологического анализа выявлено, что в скетчах жанра «стендап» обоих корпусов, в зависимости от лингвокультуры, с разной степенью интенсивности используются механизмы создания и восприятия вербального юмора. Реализация трёх названных мотивов – несовместимости, высвобождения и враждебности – в скетчах культурно обусловлена и находится в непосредственной связи с культурно-языковой компетенцией комика и его зрителей. Эту зависимость можно назвать косвенно культурно обусловленной, поскольку комик предопределяет использование того или иного мотива выбором темы своего скетча, понятной зрителям в силу их культурно-языковой компетенции. В обоих корпусах преимущественным механизмом создания юмора определяется мотив высвобождения. Механизм враждебности используется в русском корпусе ограничено, преимущественно в рамках использования дискурсивной практики ограничения «свой–чужой». Распределение мотивов создания комического эффекта обусловлено тематическим разнообразием. Таким образом, тематика явлений, подвергающихся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков обеих стран, непосредственно связана с выбранным механизмом реализации юмористической ситуации. Темы, подвергающиеся юмористическому осмыслению в выступлениях комиков двух стран, выявляют как совпадения (новые тенденции в технике, автомобили, отпуск и отдых), так и различия (социальная напряженность, феминизм, отношение полов, финансовое неблагополучие). Различия выявлены при сравнении культурно-языковых смыслов тематики в аспектах идентичности мировидения, понятной зрительской аудитории, окультуренных представлений о мире, социокультурных сведений, характерных лишь для определённой нации.

Перспективой дальнейшего исследования может быть подробное сравнение тем скетчей, в виде схемы, показывающей полевыми структурами с ядром, в котором выявляется полное или почти полное совпадение, с частично пересекающимися и непересекающимися полями, а также следующих дискурсивных аспектов, релевантных для обоих корпусов: место комика в скетче, прямота его оценки событий и явлений, функция мнения комика, в дополнении к анализу лингвистических особенностей скетчей на языковых уровнях фонетики, грамматики, лексики, текста.

Список литературы

- Джабраилова, В. С. Особенности перевода текстов жанра стендап с английского языка на русский [Текст] / В. С. Джабраилова, Н. Р. Зарипова // Филологический аспект. – 2018. – № 5 (37). – С. 43–58.
- Казакова, Д. В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике [Текст] / Д. В. Казакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (26) : Ч. II. – С. 77–80.
- Ковшова, М. Словарь лингвокультурологических терминов [Текст] / М. Ковшова, Д. Гудков. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
- Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси [Текст] / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. – Л. : Наука, 1984. – 295 с.

- Манжелевская, Е. В. Прагматические особенности речи комиков, выступающих в жанре «стендап» (на материале английского языка) [Текст] / Е. В. Манжелевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76) : Ч. II. – С. 107–111.
- Мельничук, Т. А. Языковая репрезентация этнических стереотипов в современном афроамериканском юморе в жанре стендап [Текст] / Т. А. Мельничук, Д. А. Андросова // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сб. статей VI междунар. науч. конф. ; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово : Изд-во Кемеров. ун-та. – 2016. – С. 175–180.
- Наумов, В. В. Чувство юмора в вербальном и параязыковом выражении [Текст] / В. В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Вып. 3. – № 1. – С. 98–105.
- Наумов, В. В. Национальная лингвоментальность в анекдотах (диахронический аспект) [Текст] / В. В. Наумов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 3. – С. 39–44.
- Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка [Текст] / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры. – 2004. – С. 19–30.
- Яцко, В. А. Компьютерная лингвистика или лингвистическая информатика? [Текст] / В. А. Яцко // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2014. – № 5 – С. 1–10.
- Budzinski, K. Metzler Kabarett Lexikon [Text] / K. Budzinski, R. Hippen. Stuttgart: J. B. Metzler. Springer Verlag, 1996. – 448 S.
- Eisend, M., Kuß, A. Humor in der Kommunikation [Text] / M. Eisend, A. Kuß // Handbuch der Kommunikation. M. Bruhn, F. - R. Esch, T. Langner (Hrsg.). – Wiesbaden : Gabler. – 2009. – S. 631–639.
- Krichtafovitch, I. Humor Theory: Formula of Laughter [Text] / I. Krichtafovitch. – Colorado : Outskirts Press. – 2005. – 168 p.
- Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society [Text] / H. Lasswell // The Communication of Ideas / Ed. by L. Bryson. – New York, 1964 (orig. 1948). – P. 37–51.
- Maletzke, G. Massenkommunikation [Text] / G. Maletzke // Handbuch der Psychologie. Sozialpsychologie. C. F. Graumann (Hrsg.). – Göttingen : Hogrefe. – 1972. – Bd. 7. – S. 1511–1535.
- Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor [Text] / V. Raskin – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1985. – 248 p.
- Ritter, J. Historisches Wörterbuch der Philosophie online [Electronic Resource] / J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. – Basel, Berlin: Schwabe Verlag, 1971–2007. – URL.: <https://www.schwabeonline.ch>. doi10.24894/HWPh.738 (дата обращения: 20.05.2019).
- Wirth, U. Komik. Ein interdisziplinäres Handbuch [Text] / U. Wirth. – Stuttgart : Metzler Verlag, 2017. – 414 S.

References

- Dzhabrailova, V. S., Zaripova, N. R. (2018). Osobnosti perevoda tekstov zhanra standap s angliyskogo yazyka na russkiy [Features of the translation of the stand-up genre from English into Russian]. *Filologicheskiiy aspekt* [Philological aspect], 5 (37), 43–58.
- Kazakova, D. V. (2013) Teorii verbal'nogo yumora v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike [Theories of verbal humor in modern foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 8 (26), Part II, 77–80.
- Kovshova, M., Gudkov, D. (2017). Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov [Dictionary of linguoculturological terms]. Moscow : Gnozis Press.
- Lihachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. (1984). Smekh v Drevney Rusi [Laughter in ancient Russia]. Leningrad : Nauka Press.
- Manzheleevskaya, E. V. (2017). Pragmaticheskie osobennosti rechi komikov, vystupayushchih v zhanre «standap» (na materiale angliyskogo yazyka) [Pragmatic features of the speech of comedians

- acting in the genre of "stand-up" (Based on English)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 10 (76), Part II, 107–111.
- Mel'nichuk, T. A., Androsova, D. A. (2016). Yazykovaya reprezentaciya etnicheskikh stereotipov v sovremennom afroamerikanskom yumore v zhanre standap [Language representation of ethnic stereotypes in modern African-American humor in the stand-up genre]. *Koncept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: yazykovaya lichnost'. Tekst. Diskurs. Sbornik statey VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Concept and culture: a dialogue space of culture: language personality. Text. Discourse. Collection of articles of the VI international scientific conference] (pp. 175–180). Kemerovo : Kemerovo University Press.
- Naumov, V. V. (2017). Chuvstvo yumora v verbal'nom i parazykovom vyrazhenii [Sense of humor in verbal and para linguistic terms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 3 (1), 98–105.
- Naumov, V. V. (2018). Natsional'naya lingvomental'nost' v anekdotakh (diakhronicheskiy aspekt) [National linguo-mentality in jokes (Diachronic aspect)]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education], 3, 39–44.
- Teliya, V. N. (2004). Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava yazyka [Cultural and linguistic competence: Its high probability and deep secrecy in units of the phraseological composition of the language]. *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural strata in idioms and discursive practices] (pp. 19–30). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Yazko, V. A. (2014). Komp'yuternaya lingvistika ili lingvisticheskaya informatika [Computational linguistics or linguistic informatics]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2* [Scientific and technical information. Series 2], 5, 1–10
- Budzinski, K., Hippen, R. (1996). *Metzler Kabarett Lexikon*. Stuttgart : J. B. Metzler. Springer Verlag.
- Eisend, M., Kuß, A. (2009). Humor in der Kommunikation. M. Bruhn, F.-R. Esch, T. Langner (Hrsg.), *Handbuch der Kommunikation* (pp. 631–639). Wiesbaden : Gabler.
- Krichtafovitch, I. (2005). *Humor theory: Formula of laughter*. Colorado : Outskirts Press.
- Lasswell, H. (1964). The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas* (pp. 37–51). New York (orig. 1948).
- Maletzke, G. (1972). Massenkommunikation. C. F. Graumann (Hrsg.), *Handbuch der Psychologie. Sozialpsychologie* (pp. 1511–1535). Göttingen : Hogrefe. Bd.7.
- Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. V. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company.
- Ritter, J., Gründer, K., Gabriel, G. (1971–2007). Historisches Wörterbuch der Philosophie online. Basel, Berlin : Schwabe Verlag. Retrieved May 20, 2019 from <<https://www.schwabeonline.ch/doi10.24894/HWPh.738>>.
- Wirth, U. (2017). *Komik. Ein interdisziplinäres Handbuch*. Stuttgart : Metzler Verlag.